

Мои первые встречи с Даниилом Андреевичем Соложевым

В 6-м номере 2020 года журнала «Берега» я упомянул в очерке «Моя аэроэра XX века» о моей встрече на Международном салоне аэронавтики и космоса в Бурже в 1965 году с Даниилом Соложевым, его женой Лизой и с их близким другом Жоржем Рубисовым. До сих пор помню картину знакомства. Был солнечный майский день. Мы, директор советского павильона И. Б. Иосилович и я, стояли недалеко от входа в павильон, о чём-то беседовали, посматривая на проходящих мимо французов. Невдалеке появилась группа из трёх человек, явно направляющихся к нам. Это была замечательная тройца. В середине возвышался моложавый долговязый мужчина, напоминавший Дон-Кихота, слева грациозно шествовала миниатюрная очаровательная голубоглазая Дульцинея, справа катился невысокий круглый толстяк, похожий на Санчо Панса. Подойдя к нам, высокий симпатичный джентльмен широко улыбнулся и на чистейшем русском языке представился: «Я Даниил Соложев, это моя жена Лиза и Георгий Рубисов». Мы были приятно удивлены – они оказались русскими эмигрантами первой волны. Завязалась оживлённая беседа.

Мне они сразу понравились своей раскованностью, столь необычной в то время для советских граждан, и симпатией, с которой они говорили о советской России. Наши гости были в полном восторге от советского павильона. Говорил в основном Даниил Соложев. Он оказался художником, его жена – преподавательницей русского языка, а толстый господин – преуспевающим инженером. Прощаясь, г-н Соложев пригласил нас в гости посмотреть его картины.

Встреча оставила приятное впечатление, и мне захотелось снова встретиться с ними. Я тогда активно интересовался живописью, посещал московские музеи, особенно Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, где очень хорошо была представлена живопись французских импрессионистов, экспрессионистов и авангарда конца 19-го – начала 20-го века. В стране была «оттепель». Открывались выставки «закрытых» ранее советских художников, таких как Фальк, Тышлер, а также современных, входящих в Профсоюз графиков, и др. В Париже я уже успел сходить в Музей современного искусства. Поэтому я очень обрадовался возможности пообщаться с современным русским художником, живущим во Франции, и увидеть его работы.

С любезного разрешения моего шефа, выбрав свободное время в один из следующих дней, я отправился в гости один. Исаак Иосилович решил не рисковать своей репутацией посещением русских эмигрантов. Я же об этом не думал, купил букетик цветов и, взяв небольшой русский сувенир, поехал к Соложевым. Я был очень смущён, когда попал в их 11-й район Парижа, где уже тогда жило много эмигрантов из Французской Северной Африки, нашёл их небольшой домик во дворе-колодце более высокого дома, поднялся по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж,

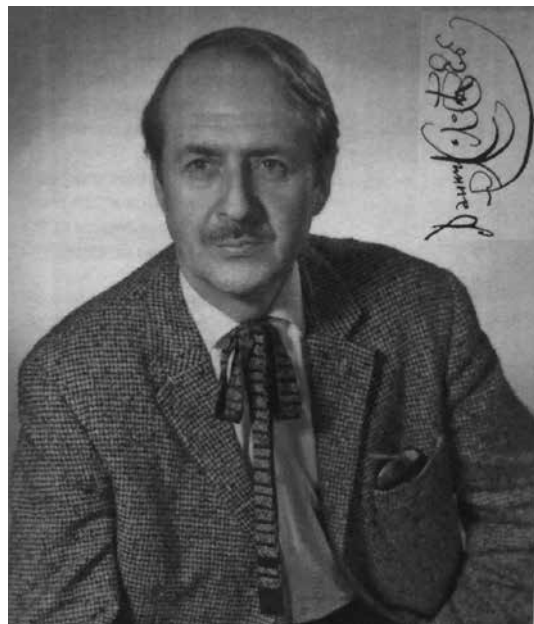
увидел их маленькую квартирку. Кухня и душ были в одном небольшом помещении 3–4 кв. м, гостиная, она же столовая, – в комнате не больше 12, и спальня примерно 8 кв. м. Я никак не ожидал, что такие внешне преуспевающие люди могут жить в такой квартире. Всё это не шло ни в какое сравнение с квартирами, в которых уже жили в Москве я и мои знакомые.

Но моё настроение тут же улучшилось, как только я увидел светящиеся радостью лица гостеприимных хозяев. Меня провели в уютную гостиную, где стояло пианино, на котором лежала скрипка. На стенах от пола до потолка висели картины, полки с книгами и антикварными сувенирами из разных стран, на небольшом письменном столе лежали книги, стояли фотографии и всевозможные забавные безделушки. У окна стоял круглый столик на одной ножке и несколько стульев. Очаровательная хозяйка накрыла столик скатертью, поставила небольшие тарелки с рюмками и бутылку вина. Мы сели за стол, выпили любимого Соложевскими вишнёвого ликёра Черри Бренди. Даня (так звала его Лиза) поставил на середину комнаты мольберт и стул, на него большую папку, раскрыл её и стал показывать свои картины и рассказывать. И я неожиданно перенёсся в другой мир, в волшебный сказочный мир художника, поэта и музыканта Даниила Соложева. То, что я увидел, не было похоже на работы других художников. Картины на мольберте менялись одна за другой передо мной, как в кино, потом ставились рядом с ним. Постепенно комната превратилась в сияющее всеми цветами радуги радостное царство, в котором летали бабочки и стрекозы, плавали рыбы и русалки, оживали цветы, превращаясь во влюблённые парочки, плясал русский самовар, в безудержной весенней пляске уносились куда-то юные девы, в небе парили рыбы, а в подводном мире кукарекали петухи и печальная дама играла на скрипке. Всё это буквально заворожило меня, и я засиделся у них до позднего вечера.

Уходя, я уносил дорогие для меня подарки: картину «Подводное царство» и две книги в переводе на французский с замечательными иллюстрациями Соложева – Библию Иерусалима «Послания Святого Апостола Павла» и «Тарас Бульба» Н. Гоголя. Даниил был также талантливый график. Работы Соложева в этой области очень ценились, а иллюстрации к «Тарасу Бульбе» считались одними из лучших. Об этом можно судить по фотографии разворота книги с его дарственной мне надписью.

Привлекает к себе внимание и необычность письма, искусно исполненного художником русской вязью. Таким же образом он переписывался с русским писателем-символистом, художником и каллиграфом Алексеем Ремизовым, большим знатоком древнерусского искусства и старославянской вязи. Интересно также, что в России до эмиграции Ремизов дружил с Велимиром Хлебниковым, который воспринимал его как старшего товарища и учителя. Эта дружба основывалась на их общей творческой установке на поиски «русского стиля». Именно это и сблизило Соложева с Ремизовым.

В тот приезд в Париж мы встретились ещё один раз. Соложевы пригласили меня в шикарный ресторан рядом с Опера Гарнье. Обед был изыскан, нас обслуживало несколько официантов. Я был опять потрясён. Меня поразили их симпатия и внимание, с которыми они отнеслись ко мне, в общем-то незнакомому молодому человеку. Видимо, главным для них было то, что я русский, приехавший из горячо любимой, но недостижимой Родины. Как потом подтвердилось, Даниил был очень открытым человеком. Он легко и охотно шёл на контакты особенно с людьми из России, приглашал к себе в гости, показывал (да и дарил) свои картины. Позже Лиза рассказала мне, что в гостях у них в разное время были Сергей Михалков, Андрей Вознесенский, Бэла Ахмадулина, Евгений Евтушенко, Геннадий Рождественский и др.

*Даниил Соложков
27.02.1908 (СПб) – 21.10.1994 (Париж)*

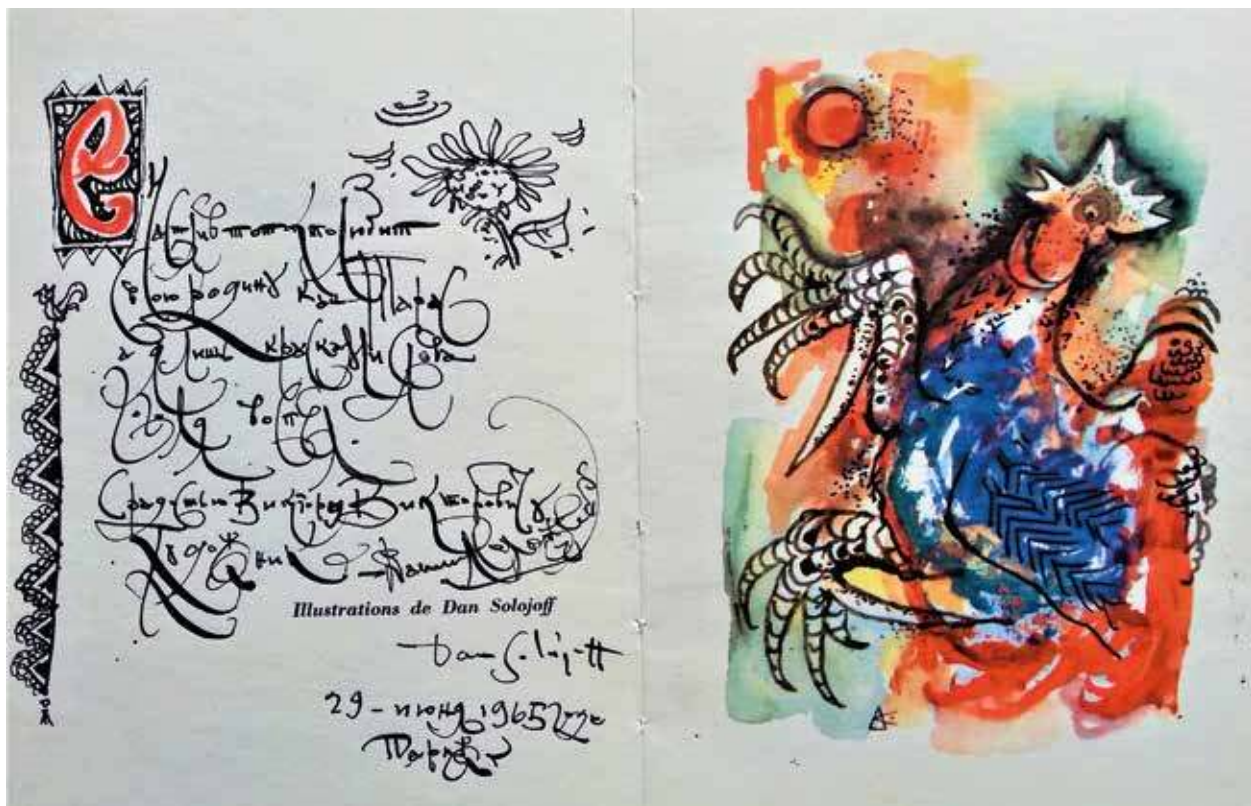
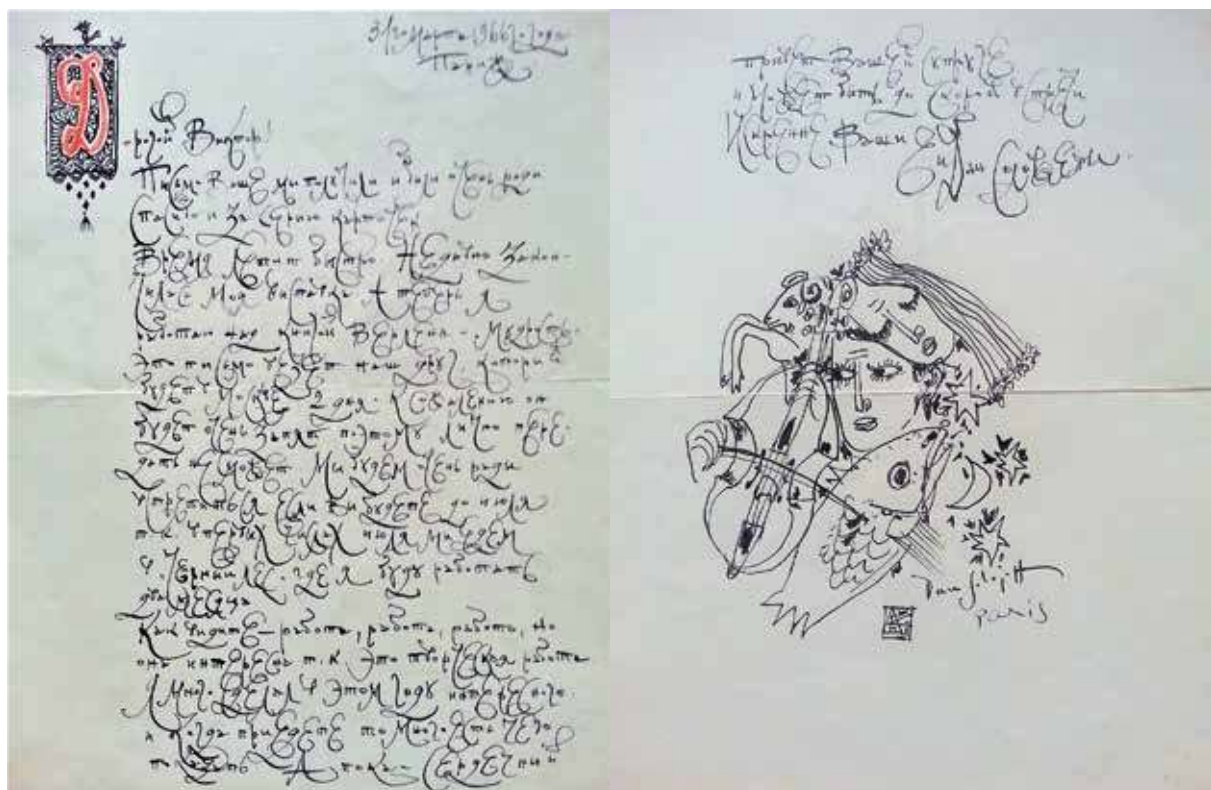

Фото разворота книги Solojoff «Tarass Boulba»

Письмо Д. Соложова, 1966

Закончилась выставка, и я улетел в Москву. Мы переписывались, поздравляли друг друга с праздниками, днями рождений, делились семейными новостями.

Одно из первых писем Даниила, особенно интересное и красивое, было написано соложевской славянской вязью с замечательным рисунком, стало для меня символом поэтического вдохновения. Целиком публикую его впервые.

В одном из писем я послал Даниилу Андреевичу открытки с видами старинных русских городов. Ему особенно понравились виды Углича. В ответ он писал: «Ваши картинки Углича очаровательные. Я часто (в мыслях) ходил по нему и жил его старинной жизнью – вся история снова встала перед глазами, и было страшно. Слава Богу, что всё это уже только история. И Углич живёт спокойной жизнью». Узнав о рождении нашей дочери, Даниил послал нам тёплое письмо с поздравлениями, сообщив, что послал «кое-что. Это всё чепуха, но так хотелось сделать Вам что-нибудь – не сердитесь. Вы поймёте». Мы подождали посылку некоторое время, а потом забыли. Прошло полгода, когда неожиданно мы получили сообщение, что нам пришла посылка из Франции.

Международное почтовое отделение оказалось далеко от дома, на другом конце Москвы. На почте служащий взял квитанцию и надолго исчез. Появился он, небрежно волоча по полу длинный зелёный мешок. Оттуда он достал большой плоский пакет и передал мне. Я очень удивился, что бы там могло быть? Дома мы с женой, стораая от любопытства, его распаковали и обнаружили огромную красивую коробку шоколадных конфет. Такого мы у нас в Советском Союзе никогда не видели! К нашему величайшему огорчению коробка была изрядно помята, а конфеты высохли, выпали из ячеек и превратились в одну несъедобную массу. Соложевых мы поблагодарили за внимание.

К сожалению, и письма приходили с большими задержками. Вероятно, поэтому Соложевы не получили от меня сообщения о моей следующей командировке во Францию летом 1967 г. Я был включён, как инженер-разработчик и переводчик, в состав делегации Министерства автомобильной промышленности СССР, направляемой во Францию для ознакомления с работой установок по комплексному испытанию автомобильных двигателей на заводах Рено и Пежо. Мы должны были на несколько дней прилететь в Париж, потом уехать на заводы этих компаний в Гавр и Бельвиль. В Париже я узнал, что Соложевых нет в городе, и отправился в галерею Кати Гранофф, в которой постоянно с 1956 г. выставлялись картины Даниила Соложева.

В галерее я потерял дар речи. Работы Даниила Андреевича висели рядом с картинами всемирно известных Пикассо, Брака, Дюфи, Марке, Сутина и других выдающихся художников. Катя Гранофф была любезна и сообщила мне, что Соложевы уехали и будут не скоро. Я очень расстроился, передал для них сувениры и письмо.

В октябре в Москве я получил трогательное письмо от Дани: «Мы были очень огорчены, что не смогли увидеться. Прямо-таки плакать хотелось. Столько времени ждали и вот тебе – на! А мы были в Голландии. Приехали и – сюрприз. Будем ждать с нетерпением...» По возвращении в Москву я, зная их большую любовь к русской классической музыке, послал им пластинки с Поэмой «Колокола», ор. 35 – музыкальное произведение для смешанного хора, трёх солистов (сопрано, тенора и баритона) и оркестра, написанное С. В. Рахманиновым в 1913 году на слова одноимённого стихотворения Эдгара По в переводе Бальмонта, а также его Концерт No 2, Op. 18 в исполнении Святослава Рихтера. Соложевы были очень рады: «Спасибо, дорогой мой. Колокола гудят по миру... и Richter (почему-то написал не по-русски, не знаю) концерт Рахманинова мы очень любим. Большое, большое спасибо».

Подводное царство

Из писем Дани я узнавал также, что он много и успешно работает, выставляется во Франции и за границей – в Германии, Голландии, Швейцарии. Но это не очень сказывалось на его благосостоянии, так как значительная часть его картин продавалась через галерею Кати Гранофф. Как позже я узнал, в середине 50-х годов Соложев подписал с ней долговременный договор, по которому она выплачивала ему постоянное месячное содержание, а он должен был передавать ей все его картины, не получая за них гонорара. С ростом его известности росли и цены на картины, а получаемые им средства практически не менялись. Кстати, скромную квартиру, где он прожил всю свою жизнь, он купил на гонорар, полученный от продажи иллюстрированной им книги «Цветы зла» Бодлера.

О жизни Соложеских до нашей встречи

К сожалению, неожиданно для меня, ждать наших следующих встреч мне пришлось долго, очень долго. А пока есть время, я расскажу об их жизни, чтобы читателю было яснее положение Соложеских во Франции и как они туда попали. Кратко о своей жизни сказал сам Даниил Андреевич Соложев в «Биографическом предисловии» к своей книге «Дизеи и Бемоли» (Париж), опубликованной вдовой Елизаветой Соложеской и близкими друзьями Н. и В. Ошаниными в 1995 году после его ухода в другой мир. Вот его фрагмент.

«Родился я в России, в Санкт-Петербурге 14 февраля (по старому стилю) 1908 года.

В 1917 году я был убит. Похоронили меня в 1920 году... Воскрес я в 1950 году в городе Лионе, во Франции, выступая как художник и поэт...»

Эта краткая биография требует пояснений. Даниил родился в дворянской семье военного врача Андрея Афанасьевича Соложеского и провёл своё раннее детство в Петербурге. Его мама Елизавета Петровна Албанская была княгиня из династии черногорских королей Кара-Георгиевичей, породнённой с российской императорской семьёй.

Отец был из простой семьи, дослужился до генерала и в Первую мировую войну отвечал за снабжение медикаментами царской армии. Семья была принята в императорском дворе.

Семья Соложеских жила в центре Петербурга. Даниил начал учиться в частной гимназии Лентовской, одновременно занимаясь музыкой (роялем) и рисованием. После революции октября 1917 года семья покинула Петроград и переехала в Керчь к его бабушке. Там он продолжил обучение в Александровской мужской гимназии, старейшей гимназии Крыма. В это время проявились его способности к музыке и рисованию. Преподавателем рисунка в гимназии был Дамиан Васильевич Шибнев¹, ученик И. Е. Репина и П. П. Чистякова, с отличием закончивший Высшее художественное училище при Императорской Академии художеств. Шибнев не только прекрасно знал русскую живопись, но и работы современных французских художников, с которыми познакомился во время своего пребывания во Франции в 1906 году. Там он увлёкся работами импрессионистов, их методами познания и отображения природы, с присущими им яркими красками, тонкой, живой передачей воздуха. Нет сомнения, что во время занятий рисованием с учениками гимназии он передавал им эти знания, показывал свои парижские работы и оказал большое влияние на становление Д. А. Соложеского как серьёзного художника. После преподавания в гимназии в 1921 году Д. В. Шибнев был назначен заведующим картинной галереей при Керченском археологическом музее, больше не выезжал за границу и не мог давать уроки живописи Д. А. Соложескому в Кишинёве, как утверждают некоторые источники. А его картины до сих пор можно увидеть в этом музее.

В Керчи произошла удивительная встреча, которая осталась в памяти у Дани на всю жизнь. Недалеко от их гимназии находилась Романовская женская гимназия. Однажды мальчиков их гимназии пригласили на концерт девочек в эту гимназию. В ходе концерта на сцену вышла девочка с большими белыми бантами и огромными голубыми глазами. Она села за фортепьяно и стала играть. Сердце Даниила сильно забило. Он влюбился в неё с первого взгляда, но всё же постеснялся подойти к ней. Это случилось в 1920 году. Им было всего по 12 лет.

Вскоре к городу подошли войска красных, началась паническая эвакуация, и они навсегда покинули Россию. Соложеские эвакуировались сначала в Константинополь, потом в Королевство СХС, образованное в декабре 1918 года в результате объединения Сербии, Черногории и Государства сло-

¹ Старый Мариуполь, История Мариуполя. Самобытный художник – Дамиан Шибнев.

венцев, хорватов и сербов. (В 1929 году оно было официально переименовано в «Королевство Югославия».) Позднее они переехали в Молдавию, тогда входившую в Румынию, в Кишинёв. В 1925 году Даниил с отличием оканчивает гимназию, учится игре на скрипке, рисует и пишет стихи. На одной из встреч русских эмигрантов он увидел прелестную девушку с огромными голубыми глазами, которая замечательно играла на фортепьяно. Он сразу узнал её. Это была она: его любовь из детства, которую он впервые увидел в Керчи. Она тоже влюбилась в него. Удивительно, что их встреча вообще состоялась. Как рассказывала мне Лиза, когда большевики занимали Крым, она с матерью переехала к дяде, брату отца. Они были русские греки. Дядя Лизы был крупным землевладельцем, имевшим репутацию хорошего и справедливого хозяина у работавших у него крестьян, и почётным консулом Греции в Крыму с широкими связями в дипломатических кругах. Французы предложили дяде вывезти его из Крыма на французском крейсере, который в это время барражировал в Чёрном море. Зная любовь и уважение к нему местного населения, он был уверен, что с ним ничего не случится, и отказался в пользу семьи своей сестры. Так Лиза оказалась в Кишинёве. А дядя был расстрелян несколько лет спустя.

В 1931 г. Даниил женился на Елизавете Ильиничне Симмелиди, Лизе, Лизочке, как он всегда ласково называл её. Вскоре они переехали в румынский город Брайлов и больше не расставались. Их жизнь, как и жизнь миллионов людей в то время, особенно в Европе, складывалась непросто, но им помогала любовь. Чтобы прокормить семью (с ними жила мама Лизы), Даниил работает днём ретушёром в фотоателье, рисует на улице портреты, вечерами играет в ресторанчиках на скрипке. В свободные минуты пишет стихи. Значительно позже в Париже я слушал его великолепную игру на скрипке, видел рисунки и ранние акварели. Особенно мне нравится его акварельный портрет Лизы.

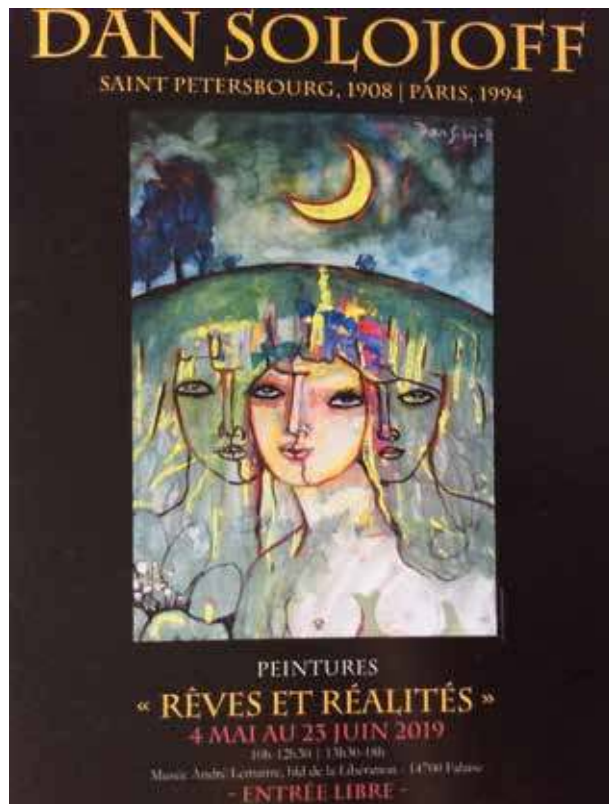
Началась мировая война. В 1944 г. во время уличной облавы Даниил был задержан немецким патрулём и вывезен в принудительный трудовой лагерь под Бремен на севере Германии. Не желая расставаться с мужем, Лизочка Соложева, выросшая в богатой интеллигентной семье (до революции её отец был директором Одесского отделения Государственного банка России), никогда не знавшая чёрной работы, добровольно отправилась в лагерь вместе с Даней и пожилой матерью. Так как она очень хорошо знала немецкий язык, её взяли вольнонаёмной переводчицей к коменданту лагеря, и семье отгородили уголок в бараке. Это спасло им жизнь. Как могла, она помогала и другим военнопленным. Но условия жизни и работы были тяжёлыми, Даниил заболел туберкулёзом.

Война заканчивалась. Эту часть Германии в 1945 г. освободили англичане. Соложевы подали документы с просьбой разрешить им поехать во Францию, где у Дани давно жила тётя. Ждать пришлось долго. Даниила мучил туберкулёз. Болезнь обострилась. Он решил пойти в английскую комендатуру в Бремене и узнать причину задержки. Ему пришлось пройти более 10 км. После чего, полностью выбившись из сил, на пороге комендатуры он упал в обморок. Оказалось, что разрешение уже пришло и они могут ехать во Францию. По приезде они устроились в одном из бедных кварталов Лиона. Денег не было, немного помогала его тётя. Постепенно он поправился, хотя здоровье до конца к нему так и не вернулось, начал рисовать. Его портреты и рисунки охотно покупали. Наступил счастливый и самый плодотворный период в жизни художника. К нему вернулся врождённый оптимизм, радость жизни и творчества. Он рисовал, и рисовал без усталости. Писал пейзажи, цирковые сцены, картины на религиозные сюжеты; работал в основном акварелью, гуашью, китайской тушью на бумаге и немного маслом.

Его заметили. В 1949 г. состоялась первая персональная выставка в Лионе, в 1950 г. он участвует в художественных салонах в Монте-Карло Княжества Монако. К нему пришёл первый успех. С 1954 г. он стал постоянным участником выставок салона «Лионского общества изящных искусств». Получил сначала бронзовую, потом серебряную, в 1958 г. – золотую медаль этого салона. Несколько его работ купил Лионский музей. С 1956 по 1968 г. его картины выставлялись и успешно продавались в известной парижской галерее Кати Гранофф, специализировавшейся на искусстве современных художников, – одной из самых престижных во Франции. В 1959 г. сделал серию рисунков о России «Моя деревня» пастелью и китайской тушью. В 1960 г. он с Лизой переехал в Париж и стал постоянно выставляться в галерее Кати Гранофф. Художник получил признание не только в кругу любителей живописи, но и своих коллег. Однажды, находясь в Каннах, он познакомился с Марком Шагалом. Придя с Лизой на его выставку, они поздоровались с ним по-русски. Шагал встретил их радостно и сказал: «Наконец-то можно говорить на русском!» Прощаясь, он дружески

Дан и Лиза Соложесвы с Марком Шагалом,
1965 г.

Афиша выставки, 2019

Delft à Delft. 1970.

Après l'Orage. 1982

Mon Village. 1967

La Fleur de pierre. 1968

Le Samovar

Contes des 1001 nuits. 1960

Conversation. 1976

Evangile. La Cène. 1954

Картины Соложесва, выставка-2019

посоветовал ему: «Пишите свободно, давайте простор вашим фантазиям». Я думаю, это помогло Даниилу утвердиться в избранной им манере живописи и в свободном выражении своих порой сказочных фантазий, его внутреннего мира и волшебных воспоминаний детства. Может это и роднило его с Шагалом. Он никогда не писал свои картины в манере других художников. Даня ценил М. Шагала, но очень огорчался, когда его сравнивали с ним. Однажды ему сказали, что его картина похожа на работы Шагала. Соложев тут же уничтожил эту вещь.

Они совершенно разные художники. Творчество Даниила в значительной мере питалось русскими источниками, его картины и рисунки наполнены природой и жизнью России, увиденной им в детстве, русской деревней, фольклором. Его рисунки изящны и артистичны. Он поднялся до высочайшего уровня экспрессии и красочности картин и рисунков, особенно в религиозной серии «Евангелие», в иллюстрациях к коллекционным изданиям «Послания Апостола Павла», «Цветов зла» Ш. Бодлера, «Мудрости» Верлена, Н. Гоголя «Тарас Бульба», а также в композициях и абстракциях. В 1976 г. Катя Гранофф писала: «...его фантазия неисчерпаема, никогда на двух его картинах не повторяется один и тот же мотив... Я знаю, что этот поэт находит в себе и только в себе неисчерпаемый источник вдохновения». Это её высказывание относится не только к Соложеву-художнику, но и Соложеву-поэту. К этому времени сформировался его круг общения с русскими эмигрантами: художниками Еленой Рубисовой (также известная поэтесса), Юрием Анненковым, Ростиславом Добужинским, Осипом Цадкиным, Олегом Цингером, Сергеем Голлербахом и др., с писателем Алексеем Ремизовым, поэтами Юрием Терапиано, Ириной Одоевцевой и др., жившими во Франции.

Наша дружба на расстоянии

Шло время, мы продолжали переписываться, сообщать о новостях, поздравлять друг друга с праздниками. Его карьера художника успешно развивалась. С 1967 г. его персональные выставки состоялись не только во Франции, Германии, Голландии, Швейцарии и других странах Европы, но и в США и Канаде. Даниил много и без усталости работал, стал получать хорошие гонорары, что дало им возможность больше путешествовать, прежде всего, чтобы пополнять свой творческий багаж. Ему это было необходимо, так как в его каждодневной работе художника «...каждый день чистый лист бумаги должен был превратиться в картину. Работать без натуры, как работаю я, не легко. Надо иметь духовный экилибр для того, чтобы всегда чувствовать слияние линий и красок. Вы ведь знаете, что все мои работы – это жизнь, но только перелитая через мою душу. Поэтому я откликаюсь на всё – всё нужно знать, чувствовать и видеть... Укатим куда-нибудь в какую-нибудь новую страну и как губка буду всасывать в себя художественный материал... Без работы для меня отдых – не отдых»¹. Так он и работал, не останавливаясь, всю жизнь.

В 1972 г. на выставке «Значительные картины русских художников во французских собраниях» в рамках Осеннего салона в Большом Дворце на Елисейских Полях его работы соседствовали с картинами Гончаровой, Ларионова, Кандинского, Филонова и других известных русских художников 20-го века.

Моя жизнь в Советском Союзе складывалась в этот период не так успешно, как мне хотелось бы. Сначала мне намекнули, что переписываться с заграницей не стоит. Потом «потеряли» в райкоме мою положительную характеристику на выезд на шесть месяцев в Канаду для работы переводчиком в советском павильоне на Всемирной выставке «Экспо-67» в Монреале. Вместо этой командировки мне предложили курировать строительство нового здания Научно-исследовательского института технологии автомобильной промышленности, где я тогда работал инженером-конструктором технологического оборудования. Это меня совсем не интересовало. Тогда же я получил интересное предложение перейти в Научно-исследовательский институт планирования и нормативов Госплана СССР с повышением и перспективой. Я согласился и с интересом занялся новой технико-экономической работой, которая требовала от меня всех сил. Переписка с Соложевными прекратилась. Но эти необыкновенные люди, как сейчас говорят, «наши соотечественники», живые встречи с ними, сказочные и необыкновенно красивые картины, рисунки, стихи и музыка

¹ Письмо Д. Соложева, февраль 1967 г.

Дани и его с Лизой искренняя симпатия ко мне и к моей семье жили в моей душе, так же как и мечты о новых встречах с ними. Шли годы.

В 1974 г. я защитил диссертацию по теме «Экономическая эффективность международных инвестиционно-производственных проектов» в Институте экономики АН СССР и стал там старшим научным сотрудником. В 1978 г. поступил на факультет экономистов-международников Академии внешней торговли СССР. На преддипломную практику в 1982 г. впервые с 1967 г. выехал за границу в ООН по промышленному развитию (ЮНИДО) в Вену, в капиталистическую страну Австрию. После её успешного прохождения и окончания Академии в марте 1983 г. я начал работать в ЮНИДО. Эта организация занималась в то время оказанием помощи развивающимся странам в подготовке технико-экономических обоснований инвестиционных проектов в различных отраслях их экономик. Благодаря знанию французского языка я стал вести эти проекты и во франкоязычных странах.

Новые встречи с Данилом и Елизаветой Соложевymi спустя 18 лет

Я прошу прощения у читателя, что отвлекаю его от увлекательной темы изобразительного искусства и литературы, но делаю я это только для того, чтобы показать, «сколь неисповедимы пути твои, Господи!» и сколь непредсказуем и долог был мой путь к моим любимым русско-французским друзьям Даниилу и Елизавете Соложевymi. Мне и в голову не приходило, что я снова смогу с ними встретиться. Но неожиданно уже через два месяца в мае 1983 г. мой суровый немецкий босс в ЮНИДО отправил меня в командировку в Мали. Суровый, т. к. в первый день моего появления на работе он встретил меня словами: «Работать, работать, работать!» – на русском языке с железным немецким акцентом. Тем самым дав понять, что у него не разболтаешься. Так оно и было. Да и отправка сразу без раскачки в африканскую страну Мали с её суровым тропическим климатом, эпидемическими болезнями и нестабильной политической ситуацией в стране была не простым испытанием. Пришлось сделать кучу прививок и взять с собой ещё специальный набор лекарств, выданный медицинским центром ООН в Вене для использования их в Мали.

Но, знаете, в каждой сложной ситуации всегда есть хотя бы одно хорошее «но». И оно было. Самолёты из Вены в Западную Африку летали с пересадкой на AIR FRANCE и с обязательной ночёвкой в Париже! В моём любимом Париже. Я тут же забыл обо всех проблемах и... вспомнил Соложевых. Конечно, я очень хотел их увидеть, но я давно не общался с ними и даже не переписывался, ведь это было запрещено. Прошло 13 лет после их последнего письма, на которое я не ответил. Они могли обидеться, переехать на другую квартиру или уехать в другую страну, с ними могло произойти (как и со мной) всё что угодно. Я встречался с ними всего лишь в мой первый приезд во Францию в далёком 1965 г., то есть 18 лет тому назад! Но внутри теплилась надежда, что, может быть, мы увидимся. Поколебавшись, решился и позвонил. Их старый номер телефона был со мной. Услышал незабываемый чуть хриловатый, приятный голос и спросил: «Даниил?» В ответ очень громкое и радостное: «Виктор! Где ты?» – «Узнал, помнит, родной!» – пронеслось в голове. Сказал, что через два дня буду в Париже. Ответ был краток: «Приходи, обязательно приходи. Мы ждём тебя». Рядом слышал радостный Лизин голос: «Да, да, конечно». Я был потрясён. Помнят, ждут!

Так мы встретились вновь, как будто не расставались. Они остались такими же симпатичнейшими русскими интеллигентами и совсем не постарели. Мы так же сидели за качающимся круглым столом на одной ножке, так же пили вишнёвый ликёр. А Даня ещё более увлекательно рассказывал и показывал свои новые картины, рисунки, книги и читал, потрясающе читал свои стихи! Картин и книг, иллюстрированных им, стало больше. Появились серии бабочек, замечательных пейзажей, абстракций и многое другое. На следующее утро я улетел в Мали. С тех пор каждый раз я летал во Французскую Африку с обязательной остановкой в Париже, чтобы заглянуть к Соложевymi. У них я встретил Жоржа-Жана Рубисова, сына Рубисова-старшего, который присутствовал при нашем знакомстве в 1965 г. Жорж был симпатичный джентльмен, очень похожий на отца, только худой и высокий, бизнесмен и винодел. Иногда они с Лизой играли на фортепьяно в четыре руки, а Даня играл с ними на скрипке. Много лет спустя при нашей встрече Жорж-Жан рассказал мне, что однажды он позвонил Дане и сказал, что собирается на следующий день зайти. Даня ответил: «Что ты, что ты, у нас будет Виктор!» Я даже представить не мог, что Даня так трепетно ко мне относился. Вместе с Соложевymi я был на службе в русской церкви на Рю Дарю, где они все годы их жизни в Париже были уважаемыми при-

хожанами. Посещали близлежащие кафешки, где я уже мог заплатить и за них, прогуливались по набережной Сены вдоль книжных рядов. Оказалось, что Соложев был также библиофилом, известным в Париже коллекционером редких книг, особенно русских. Собирал прижизненные издания русских классиков. Знаменитый дирижёр Геннадий Рождественский встречался с ним и рассказал о нём в своей книге «Парижские букинисты». Он считал его талантливым поэтом и привёл в ней стихи Даниила Андреевича. Одно из них «Колыбельнодумная вязь» своей изысканной «звукописью» очаровало его и напомнило ему стихи Велимира Хлебникова: «Усните чаруши, / Усните глубоши, / Усните голубыши, / Усните все под крышей. И я усну спокойно / И лавно и «Лукойно»¹.

Однажды у Соложых я познакомился с их молодыми русскими друзьями Надеждой и Владимиром Ошаниными, давно жившими и работавшими в Париже, которые с ними регулярно общались и поддерживали их. Отец и сын Рубисовы и Ошанины очень любили живопись Дани и покупали его работы. Он же время от времени сам охотно дарил друзьям свои произведения и иллюстрированные им книги. В итоге они собрали наиболее полные коллекции картин и рисунков Даниила Соложева. Прошли годы, он стал известен в Европе, Канаде и Соединённых Штатах Америки, где неоднократно с большим успехом проходили его выставки. Его картины и рисунки, книги с иллюстрациями находятся в коллекциях ценителей искусства во всём мире. В 1989 г. Даниил получил звание почётного доктора Гуманитарного Университета штата Флорида. Но Соложевы жили всё в той же скромной квартире и остались такими же простыми и сердечными людьми. Как я отметил это раньше, они очень любили путешествовать и не стремились к улучшению комфорта. Однажды даже отказались от предложенной им Жоржем Рубисовым большой новой квартиры. Вся жизнь их была в искусстве: в живописи, поэзии и музыке. Несколько раз я был у них с моей женой Олей, и всегда это были удивительно тёплые и интересные встречи.

Вынужденный покинуть Россию в 12 лет, живописец, график, иллюстратор и поэт Даниил Андреевич Соложев всегда мечтал познакомить россиян со своим творчеством. К сожалению, этого не произошло до сих пор, в России не было ни одной его персональной выставки. Безусловно, это большой пробел в истории русского искусства, который необходимо восполнить как можно скорее. При этом в разных странах мира их было более 30. При жизни Соложева в 1991 г. в России состоялась единственная выставка репродукций его картин «Несколько капель моря жизни» в Доме учёных в Новосибирске, на которую Дани из-за болезни не смог приехать. Выставку организовал Владимир Ошанин, он же рассказал о творчестве Соложева – художника и поэта. Картины Соложева и рассказ о его жизни вызвали у собравшихся большой интерес. Лишь в 1995 г. три его картины были привезены в Москву профессором Ренэ Герра, известным французским коллекционером и исследователем искусства русского зарубежья, дружившим с Соложевными многие годы. Они были представлены в Третьяковской галерее в рамках выставки «Они унесли с собой Россию... Русские художники-эмигранты во Франции. 1920-е – 1970-е» из собрания Ренэ Герра. Я был на этой выставке. Она произвела на меня грандиозное впечатление большим собранием произведений наиболее известных художников русского зарубежья 20-го века. Достойное место среди них занимал Даниил Андреевич Соложев.

Находясь почти всю жизнь за рубежом своей родины, Даниил страстно любил её, живо интересовался всем, что происходило в России, переживал и радовался её успехам, страдал, что живёт на чужбине. Всё его творчество проникнуто этим чувством.

Он писал Рене Герра:

«Нет у меня / Ни родины, / Ни дома. / Есть только / Звуки / Прошлых похорон.
Какой-то / Мутный, / Дребезжащий / Звон. / Конец / Какого-то / Растрёпанного / Тома.
.....
Нет у меня / Ни родины, / Ни дома...»

Даниил Андреевич Соложев был замечательным поэтом. К сожалению, об этом знал только узкий круг русских эмигрантов и друзей, так как он писал стихи в основном на русском языке и издавал их малым тиражом (50–100 экземпляров) за собственный счёт. Из трёх его поэтических сборников, опубликованных при жизни, только последний «Капля воды» (1974) в прозе был написан на французском и издан в Париже. Первый сборник «Лучи», изданный в Румынии в 1938 г., потерялся. Как образно сказал сам автор: «...утонул в море скитаний и мучений», но остался в памяти автора

¹ Рождественский Г. Парижские букинисты: Фрагменты из книги // Наше наследие. 1998. № 46. С. 165–166.

и вошёл спустя много лет во второй сборник «Избранное», изданный дважды – в Мюнхене (1967) и в Париже (1973). Кроме того, стихи Соложева с 1990 г. печатались в русском альманахе «Встречи» (Флорида). Так мало, но как талантливо написано, как сильно выражены любовь и тоска по детству, любовь и страдание по вынужденно покинутой родине, любовь к любимой Лизе, Лизочке, с которой он прожил тяжёлую жизнь эмигранта и прекрасную жизнь творца, художника, поэта и музыканта. Он и его жена Елизавета Соложева так и не приняли французского гражданства, а остались с Нансеновскими паспортами, выдававшимися людям без родины, хотя они и прожили и работали во Франции более полувека. Даниил Андреевич скончался в 1994 г. после продолжительной болезни и похоронен на известном русском кладбище в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем, рядом с многими выдающимися представителями русской эмиграции 20-го века.

Елизавета Ильинична Соложева, его жена, друг и единомышленник, прожившая с ним 63 года, ушла в мир иной в 2008 г. До её последних дней мы общались с ней: говорили о Дане, обменивались письмами. Я ежегодно поздравлял её с днём рождения, писал ей стихи, звонил по телефону. В этом почтенном возрасте она оставалась, очень живой, интересовалась жизнью близких ей друзей и знакомых, событиями в мире, вспоминала счастливую жизнь с Даней. Мы с женой посетили её в последний раз после её 100-летнего юбилея. Она хотела увидеться с нами отдельно от других гостей, так как видеть сразу много знакомых ей было уже тяжело. К сожалению, после юбилея она была уже очень слаба, лежала в постели. Она улыбнулась нам, когда мы вошли. Мы немного поговорили, она была рада нам, улыбалась. Через месяц она скончалась и была похоронена рядом с мужем. На их могиле был поставлен большой крест-памятник с головой Христа работы самого Даниила Соложева, выполненный в технике майолики.

Мы помним и продолжаем любить

Мы помним и продолжаем любить Даниила и Елизавету Соложевых, замечательных русских людей, оставшихся до конца своих дней патриотами своей вынужденно покинутой родины. Даниил Андреевич Соложев, талантливый русский художник, поэт, музыкант и человек, ушёл, но его художественные произведения и поэзия живут, радуют и славят Россию. К сожалению, в России до настоящего времени так и не было его персональной выставки картин. Хотя они ценятся не только друзьями Соложева, но и коллекционерами и продаются время от времени на аукционах также в России.

Проходит время, но близкие друзья Даниила Андреевича Соложева помнят и ценят его творчество и стремятся что-то сделать для его популяризации. Особенно много для этого сделали Владимир и Надежда Ошанины. После его ухода они вместе с вдовой Елизаветой Соложевой издали в Париже в 1995 г. небольшим тиражом посмертную книгу стихов Д. Соложева «Диезы и Бемоли», в 1996 г. альбом его картин и рисунков «Дан Соложев: “Жизнь, творчество”»¹. Очень интересную статью «Нет конца моим цветным мечтаньям» с глубоким анализом его живописи и поэзии опубликовала Надежда Винокур в русско-американском еженедельнике «Вестник»² к 10-летию со дня смерти Д. А. Соложева с репродукцией на обложке его картины «Вечер». Нам его прислала Лиза с радостной записочкой: «Ещё одна “памятка” о Дане... Почитайте – увидите, как хорошо понято Данино искусство и он сам». Мы с женой получили большое удовольствие, читая эту статью.

В 2005 г. Ошанины опубликовали впервые в России повести Н. В. Гоголя «Вечера на хуторе близ Диканьки» с иллюстрациями Соложева. В 2011 г. к ним совершенно неожиданно обратилось московское издательство «Летний сад» с предложением бесплатно издать в серии «Культурный слой» стихи Д. Соложева. Недавно Владимир написал мне об этом: «...мы с радостью согласились и охотно впряглись в работу, тем более что составители (Г. Лукомников и В. Орлов) работали над сборником с небывалым энтузиазмом и серьёзностью. Работы было очень много, девять месяцев мы практически занимались только этим... и результат налицо». Я считаю, что результат блестящий. Получилось первое, замечательно изданное и практически полное собрание стихотворений Даниила Соложева в России. Это и неудивительно, так как и издательство и составители имеют высокую репутацию в российском литературном мире. А Герман Лукомников ещё и известный поэт авангардного направ-

¹ Dan Solojoff: Une vie, une oeuvre / E. Solojoff, N. et V. Ochanine [Paris].

² Вестник (vestnik – russian american biweekly) Nov 10, 2004, No. 23 (360) <http://www.vestnik.com>.

ления, которому не могли не понравиться стихи Дани. Для меня удивительным и очень приятным стало то, что моя книга стихов «Вдохновение / Inspiration»¹ с рисунком Д. Соложева на обложке была издана тем же издательством.

Это случилось совершенно неожиданно. Я уже должен был послать книгу в издательство, но всё никак не мог найти рисунок, подходящий названию книги. Вспомнил, что уже в первой книге стихов «Сердце русское волнует» в 2001 г. я с разрешения Елизаветы Соложевой использовал несколько картин Дани для её иллюстрации и на обложке дал фрагмент его изумительной картины «Синий лес». Торопясь, я стал перебирать мой архив, и неожиданно из него выпало то первое его мне письмо, которое я упомянул в начале моего рассказа. Увидев рисунок Дани, я понял, что в нём есть всё для поэтического вдохновения: скрипка – олицетворение музыки, влюблённая пара, звёзды, Агнец Божий и рыба – символы христианства. Дани мне однажды сказал, что он часто добавляет рыбу как символ «водички и жизни». Я почувствовал, что он благословляет меня на обложку с его рисунком. В этой книге я также опубликовал моё стихотворение, посвящённое Соложевым, вдохновлённое его картиной «Подводное царство».

ДАНИИЛУ И ЛИЗЕ СОЛОЖЕВОЙ

Вода журчит и пузырится,
она щекочет нежно нас,
в глубинах тёмных свет искрится
прозрачных мирадов глаз.

Волшебный мир к себе нас тянет,
Русалка с рыбою всплывают,
и память свечи зажигает
О Данииле и о Вас!

В литературном клубе «Русская поэзия в Австрии» Русского Дома в Вене в 2007 г. я рассказывал о творчестве Даниила Соложева, показывал его книги и читал стихи. Член клуба Лидия Гошчинская, искусствовед и поэт, захотела поближе познакомиться с его творчеством. В следующую поездку в Париж я взял её с собой и познакомил с Лизой. Они подружились, и Л. Кузнецова (её литературный псевдоним) написала и опубликовала в журнале «Мосты» № 18 (2008, Франкфурт-на-Майне) очень интересную статью: «Dan Solojoff. К столетию со дня рождения Д. А. Соложева». Не встречаясь с Соложевым, Лидия, стоя перед его портретом в их квартире, глубоко и верно почувствовала этого удивительного человека – музыканта, поэта и живописца: «...боясь шелохнуться, настолько воздух... этой комнаты озвучивался то Бахом, то Мендельсоном, то Чайковским, а через них звуками и запахами родины самого исполнителя: бесконечным ропотом волн, солью и ветром с лимана, октябрём, который леденит мозги, шёпотом акаций и рождественским божественным покоем, разлитым по светлым душам... Всё это – его музыка и поэзия, но есть и третья ипостась – цвет и линия. Мир Соложева-живописца – это торжество цвета, едва тронутого лёгкой линией, но в нём есть и вдохновение звуком, а вместе – единство поэтического образа, – словесного, живописного и музыкального». И ещё она очень точно отметила особенность Соложева-иллюстратора: «...он не был скован повествовательностью, обобщением материала и характерами образов, но находил сугубо свой, сущностный, не просто иллюстративный, но остро пережитый вариант прочитанного».

В моей книге «Im Flug der Poesie» («В поэтическом полёте») (2017), изданной в Австрии на немецком языке, на задней обложке я поместил фотографию очень яркой и радостной картины Д. Соложева «Россия». Его картины, их настроение очень близки мне и очень хороши для иллюстраций стихов. Они наполнены поэзией и музыкой автора и вместе с его стихами наиболее полно раскрывают его необыкновенный и многогранный творческий талант. Даниил Андреевич очень сильно повлиял на меня как поэта. Многие мои стихи вдохновлены его картинами и посвящены ему и Елизавете Соложевой. В 2011 г., когда известный международный Журнал ПОэтов готовил номер «Гоголь google» № 4–5, посвящённый Н. В. Гоголю, я предложил иллюстрировать его рисунками Соложева. В журнале было опубликовано 6 иллюстраций из сделанных им для книги «Тарас Бульба».

¹ Клыков В. В. Вдохновение / Inspiration. – М.: Летний сад, 2003.

К 100-летию юбилею художника в 2018 г. Ошанины мечтали организовать выставку картин Даниила Соложева во Франции. Как сообщил мне Владимир, это оказалось очень трудно сделать, особенно если не располагать необходимыми денежными средствами, и получилось только в 2019-м в Нормандии. С помощью общих друзей они вышли на Селин Летурнер, директора музея Андре Леметра в городе Фалез, и показали ей альбом с картинами и рисунками Дани. Альбом ей очень понравился, и дальше всё пошло как по нотам. Музей получил поддержку мэрии города, предоставил для выставки два больших зала и взял на себя практически все расходы: покупку рам, оформление страховки, печать афиш. Остальное (вставление в рамы, этикетки и проч.) сделала семья Ошаниных.

По персональному приглашению мэрии Фалеза и Ошаниных я с женой и дочерью прилетели на открытие выставки 4 мая из Вены в Париж, а потом на машине ещё часа три мы ехали на север до города Фалез. Этот старинный город поразил нас своей величавой крепостью XII века, царящей над ним, и богатой историей. Достаточно сказать, что в нём родился герцог нормандский Вильгельм I Завоеватель Англии, ставший в 1066 г. её королём и родоначальником нормандской династии королей Англии.

Даже я, видевший уже раньше коллекцию Ошаниных, был поражён представленной экспозицией и эффектом от погружения в цветовой мир картин Д. Соложева, собранных вместе организаторами в просторных залах музея. На выставке было представлено 120 картин по разным тематикам: пейзажи, музыка, танцы, композиции, иллюстрации, абстракция, религия, руссика и др.

Кроме картин и рисунков, демонстрировались также книги, иллюстрированные Соложевным. Выставка продолжалась до 23 июня включительно. По окончании выставки Владимир Ошанин написал мне: «Успех был большой. Для посетителей (и они это постоянно отмечали) это было открытие неведомого им мира. Были трогательные записи в “Золотой книге”, а уж устных отзывов бесчисленное множество. Учителя местных (и не только) школ приводили на выставку целые классы. Вот для примера одна из записей в переводе на русский язык: “Выставка Дана Соложева – истинное наслаждение для глаз и чувств. На ней можно, не уставая, проводить целые часы. Это из тех выставок, которые заслуживали бы объехать всю страну. Нам особенно понравились книжные иллюстрации, благодаря которым появляется желание перечитать Бодлера и познакомиться с творчеством Ивана Шмелёва, о котором мы, к нашему большому сожалению, никогда не слышали. Пейзажи, натюрморты, абстрактные композиции – всё замечательно. Спасибо музею города Фалез за этот замечательный подарок! Элен и Мишель Н., г. Кан. 10.05.2019”. Был даже отзыв в стихах на целую страницу. В местной прессе о выставке было сказано много лестного. Вот несколько выдержек из газеты “Журнал де л’Орн” от 16 мая 2019 г.: “Мощь, чувственность и оригинальность произведений Соложева не оставляют равнодушными, впечатляют. (...) Удивительная подборка картин, которые надо обязательно увидеть, в частности, ряд серий на тему музыки, танца, иллюстрации к «Сказкам 1001 ночи», «Цветам зла» Бодлера. (...) Великолепная выставка, удивительная, которую пропустить нельзя”».

На выставке нам было также приятно встретиться с друзьями и почитателями творчества дорогого нам Даниила Соложева, с которыми мы не виделись много лет: с Жоржем-Жаном и его женой Мариной Рубисовой, прилетевшими из Калифорнии, с Надеждой и Владимиром Ошаниными и их сыном Денисом, инициаторами и соорганизаторами этой замечательной выставки.

Выставка создала для нас редкую возможность собраться вместе и вспомнить любимых нами русских парижан. Мы искренно благодарим госпожу Селин Летурнер, директора музея Андре Леметра и его сотрудников, а также мэрию города Фалеза за финансовую поддержку и организацию такой великолепной выставки французско-русского художника Даниила Соложева. Я восхищаюсь также Надеждой и Владимиром Ошаниными и благодарю их от всего сердца за их многолетнюю, поистине самоотверженную и титаническую работу по сохранению памяти о Д. А. Соложеве и популяризации его творчества, которая неизменно сопровождается успехом. Желая вам, мои дорогие друзья, сил и здоровья для её продолжения!

Много в этом плане делал и обаятельный Жорж-Жан, младший Рубисов. После выставки он пригласил нас в гости в свою парижскую квартиру, купленную ещё его отцом. Мы провели очень приятный вечер, вспоминали Даню и родителей Жоржа-младшего. Георгий Алексеевич (Жорж-старший) был успешным инженером, бизнесменом (работал и с Россией), литератором и музыкантом, его жена Елена Фёдоровна Рубисова – талантливой художницей, писательницей и поэтом. Они были

самыми близкими друзьями Соложеевых, и, я думаю, именно они ввели их в круг художников и литераторов русской парижской эмиграции. Они были очень добрыми людьми и материально помогали художникам, музыкантам и поэтам. Я вспомнил, что читал о них и о Соложеевых в книге Софьи Львовны Иваницкой¹ и о том, как они предложили ей жить у них, когда она «совершила свой прыжок из Варшавы в Париж в непонятную новую страну». Они были первыми, кто протянул ей руку помощи в чужой стране. Рубисовы поселили её в маленькую комнату, и, чтобы ей не было скучно и хватало пространства, Жорж повесил картину «Синяя птица». «Она летела, раскрыв крылья с размахом на всю стену. Я была потрясена. Кто автор? Потом узнала – им был Даниил Соложеев. Она, эта птица, напомнила мне пьесу Метерлинка, там Птица Счастья тоже была синяя, а значит, подумала я, размах этих крыл в новой стране должен принести мне счастье», – пишет Иваницкая. Это очень близко тому, что неожиданно для всех сказала Лиза после панихиды по Соложееву в соборе Александра Невского в Париже в 2004 г.: «Я была с ним счастлива все эти долгие годы, и когда он не был известен и работал ретушером, другого заработка не было, и когда болел туберкулёзом – всегда! А почему? Мы ухватились за хвост его Синей птицы и крепко держались, несмотря ни на какие невзгоды... Но вот уже прошло 10 лет, как его нет рядом... и птица улетела... А куда она улетела?.. В небо... Может быть, летит всё ближе к нему...»

Потом Иваницкая сблизилась с Ириной Одоевцевой и стала её секретарём до отъезда Одоевцевой в Россию. Для меня это была совершенно необыкновенная книга, из которой я узнал много нового о жизни русских парижан, и особенно Соложеевых. Им в книге посвящена отдельная глава, из которой видно, что они дружили с выдающимися литераторами и художниками русской эмиграции. Одоевцева бывала в доме Рубисовых и слушала, как Даня читал стихи. «...он был ещё и музыкант и просто превосходно играл на скрипке. После каждого прочитанного стихотворения звучала его скрипка. Этого я не могу забыть!» – говорила она Соне. Лизу они неоднократно слушали, когда она играла в четыре руки «сначала со старшим, а потом, когда его не стало, с младшим Жоржем. И каждый раз замечательно!» – добавляла Одоевцева. Соложеев подарил ей свои книги «Цветы зла» Бодлера и «Мудрость Верлена». «И знаешь, что самое интересное, – с восторгом сказала она Соне, – и представить трудно – он иллюстрировал эти роскошные книги, а для первых 50 экземпляров сделал рисунки вручную на пергаменте». Об этом мне говорил и Даня. Причём он делал одновременно десять экземпляров каждого рисунка, разложив пергамент на полу. И однажды при встрече он показал нам, как это делал. С кистью в руке он, присев, быстро двигался от одной стены комнаты до другой, клал воображаемые мазки и весело хохотал, радуясь своей находчивости. Эти книги имели колоссальный успех и были мгновенно распроданы. Сейчас их можно увидеть только на аукционах. Одоевцевой также нравились стихи Соложеева, она считала его замечательным поэтом, не похожим на других: «Его стихи так же оригинальны, как его живопись. Прежде всего, они аллегоричны. Женские фигуры у него олицетворяют весну и всегда открывают какую-то тайну, а по небу несутся облака – символ смятения. А краски всегда очень яркие и свежие. И если ты видела его живописные работы, то можешь сказать, что часто их одушевляют скрипки. Они, как человеческие судьбы, разломаны на части. В чём-то похожи на судьбы нас всех». Одоевцевой очень нравилось его стихотворение:

Снежно и мягко.
Ярко и хрупко.
В рое снежинок двор.
Дом раскурил
Свою старую трубку
Белым дымком
В простор.

«Так просто и так образно» – Ирина Одоевцева.

Когда Жорж услышал, с каким восторгом я говорю о книге Софьи Иваницкой, то просто сказал: «Так давай позвоним ей. Сам ей всё скажешь». И по памяти набрал номер телефона. Он сказал ей, что у него гость из Москвы, который читал её книгу. Ещё не веря, что я буду говорить с автором этой книги, я взял трубку, представился, услышал слабый, но радостный голос Сони. Со всем жаром я высказал чувства моей благодарности и восхищения ею, за её совершенно потрясающие воспоми-

¹ Софья Иваницкая. О русских парижанах. – М.: Эллис Лак, 2006.

нения, которые стали уникальными, неповторимыми свидетельствами чувств, мыслей и высказываний выдающихся людей русской эмиграции, а для меня особенно важные, связанные с Соложевым. Я прочёл по телефону вдохновлённое её книгой моё стихотворение:

РУССКИМ ПАРИЖАНАМ

Мне дорога ночная тишина,
луне серебряной я нежно улыбаюсь,
и ею жизнь моя вдохновлена.
И в этой жизни нет времён и заграницы,
плыву вперёд-назад через века,
и голос я Одоевцевой слышу,
и вижу рядом Соложевых я...
Случалось рядом быть – бывал в Париже
и где-то близко, около бродил,
я подходил к ним ближе, ближе, ближе
и... почему-то снова уходил...
Уж многие ушли из тех,
кто долго на чужбине жил,
кто был свободен и вольнолюбив
и сердцем и душой кто верен был
давно покинутой родной России.
И их любовь, пройдя через года,
соединилась с нашей,
чтобы жить всегда.

Она была тронута. Встречи с ней, к большому сожалению, не получилось. Она болела, а мы через два дня улетали в Вену.

Мы расстались с Рубисовыми с желанием снова увидеться, сделать что-то вместе для сохранения памяти Соложевых. Я обсуждал уже возможность создания документального фильма о Соложевых с известным русским режиссёром, которого эта тема заинтересовала. Жорж готовил альбом с живописью Дани из своей и его отца коллекции картин и рисунков Д. Соложева, собираемой с начала 60-х годов прошлого века, и с его же стихами. Не получилось. В декабре прошлого года я получил печальную новость о его кончине от коронавируса. Но альбом будет! Работу над ним закончили вдова Жоржа и наши общие друзья Н. и В. Ошанины. Он будет издан в Санкт-Петербурге, малой родине Даниила Соложева, осенью этого, 2021 года.

Надеюсь, что придёт время и на родине художника и поэта Д. Соложева найдутся люди, государственные учреждения и фонды, которые заинтересуются его творчеством и организуют персональные выставки его картин и вечера его поэзии. Ведь жизнь Соложевых так интересна, трагична и вместе с тем так наполнена волей и творческим талантом этих русских людей 20-го века, достойно преодолевших все трудности эмиграции и сохранивших любовь к России. Я думаю, что создание о них художественного или документального фильма было бы также весомым вкладом в кинолетопись о русской эмиграции.